

Номинация: «Пьесы малой формы»

М.И.Анохин

ДОСТОЕВСКИЙ, БЕС И ОПТИНСКИЕ СТАРЦЫ

Пьеса в 2-х действиях

Действующие лица:

Персонажи, исполняемые актёрами:

1. Достоевский Фёдор Михайлович, знаменитый писатель, 57 лет, с бородой. В 1-м действии в сцене с Полиной 44 лет и почти без бороды.
2. Амвросий, святой старец монастыря «Оптина пустынь», 62 лет; с наперсным крестом.
3. Келейник Амвросия, монах Павел, 35 лет.
4. Полина (Аполлинария Сулова), любовь и муза Достоевского, молодая красивая женщина. В 1-м действии одета под курсистку с красным бантом; она же Бес, с длинной красной лентой.
5. Тихон, старец, персонаж романа «Бесы»; в одеянии схимника.
6. Ставрогин-Достоевский (Ст-Д), персонаж «Бесов» и он же Достоевский 44 лет.

Персонажи, исполняемые куклами (их речь идёт в записи и искорёжена «по Буратински»):

7. Парторг Тихон Амвросиевич, из 1960-х годов, в очках, похож на Тихона.
8. Заместитель парторга, из 1960-х годов, похож на Келейника.
9. Журналист, из 1960-х годов, похож на Достоевского.
10. Жена Журналиста, из 60-х годов XX века, похожа на Полину.
11. Девка, ученица сельскохозяйственного училища 1960-х годов, 15-17 лет.
12. Старец Оптиной пустыни начала XXI века, может походить на Амвросия.
13. Монах Оптиной пустыни начала XXI века, может походить на Келейника.
14. Писатель начала XXI века, может походить на Достоевского.

Исполняют три актёра (роли 1, 6; 2, 5; 3), актриса (роль 4) и восемь кукол (роли 7-14).

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Июнь 1878 года. Удары колокола. Занавес открывается. Монастырская келья. Старец Амвросий садится с книгами ними за стол и раскрывает одну из книг. Стук в дверь.

Голос Келейника (за дверью). Во имя Отца и Сына и Святаго Духа...

Амвросий (встаёт, крестится). Аминь.

Входит Келейник.

Келейник. Народу собралось, батюшка... Ещё опять писатель вчерашний...

Амвросий. Фёдор Михайлович Достоевский? (Пауза.) Пускай он заходит.

Келейник выходит и возвращается с Достоевским, пропуская того вперед.

Достоевский (подходит к Амвросию под благословение). Отец Амвросий. Опять решил беспокоить. Стольким вы нужны, целая очередь, а меня одного впереди...

Амвросий (с мягкой иронией). «Одного» разве?

Достоевский. Что? (Оглядывается через левое плечо на Келейника.)

Амвросий (улыбаясь). Читателей-то, имею в виду, ваших - легион.

Келейник (недовольно, имея в виду себя). «Нечистый»?

Достоевский. Я?

Амвросий. Что?

Достоевский (Амвросию с усмешкой). Показалось. (На Келейника.) Показалась...

Женский смех, на который реагирует только Достоевский. Келейник уходит.

Достоевский. После моего романа они въяве плодятся... по стране... мне кажется.

Амвросий (после паузы). Ежели твёрдо держаться православия, церкви, тогда описание романиста способно стать едва не экзорсизмом. «Назвать дьявола – значит его прогнать», как прежде говорили... Вы удачно назвали своё сочинение. «Запрещение бесов». (Вздыхает.) Ваши предчувствия и тревоги вкупе разделяем.

Достоевский (*достаёт папирсы*). Позвольте... в качестве исключения. (*Не закурил, кашляет и прячет папирсы.*) Я сейчас расскажу личное. Я описывал смерть ребёнка. Мне нужно для романа, и здесь (*показывает рукой*) лежит в постели мой сын, больной. Жена склонилась. А я тоже - больной, не разрешённый от своего бремени. (*Кашляет.*) Сцена изнасилования и самоубийства ребёнка, издатель не позволил включить в роман, и это во мне стало колом, как плод, которым не могу разрешиться. Я это подумал, и говорю жене: «Во мне мёртвое дитя». И начались подёргивания у сына. Затем со мной припадок. Моя вина: передал ему свою болезнь...

Амвросий (*после паузы*). И сын скончался. (*Перекрестился.*) Но вы, Фёдор Михайлович, тоже, должно быть, получили болезнь от кого-либо из родственников?

Достоевский. Нет. Нет. У родителей не было.

Амвросий (*после паузы*). А вы не разрешились, поскольку не разрешилась публикация, и так вы не открылись своим читателям – так считаете. Хотите и в этом покаяться?

Достоевский. У вас просто школьный катехизис.

Амвросий. Не только. Мы вообще чужды богословию. Если хотите, оно у нас в молчании.

Достоевский. Ну, да. На всё - формулы непробиваемые. (*Ударяет стулом о пол, и стул ломается.*) Извините. Простите.

Амвросий. Тише, тише, паломник. Бог простит.

Вбегает Келейник.

Келейник (*видит сломанный стул; обращается к Амвросию.*) А я уж... Боже упаси.

Амвросий. Присядь, брат Павел.

Достоевский. Простите, отец. (*Рассматривает сломанный стул.*) Оставил вам память.

Амвросий (*с иронией Достоевскому*). Как это у Гоголя: «Оно, конечно, Александр Македонский герой, но зачем же стулья ломать?»

Достоевский. Гоголя к месту вы вспомнили. Кого ещё один старец до смерти уморил.

Амвросий (*усмехается*). Вы пришли исповедаться или нас исповедать?

Достоевский (*после паузы*). Да. «Психология». Можно и дальше: почему-то преступное, ну и мучительное, жертвенное, и так далее, – влечёт. Скажите, что, если чувства не согласовать верой, они согласуются с адом...

Амвросий. Наверное, женщину прежде разумеете? (*Пауза.*) Ваш интерес к им падшим... Как это идеал в искусстве снизился? В античности богиня, затем Пречистая Дева, но в западный ренессанс Мадонна уже обыкновенной женщиной, едва не баба, а сейчас, выходит, публичная.

Келейник. Рубль – цена привокзальная.

Достоевский. В своём низведении они частично виновны сами.

Амвросий. Так прогресс понимается. А, по нашему, искушение. (*Усмехается.*) Давеча исповедница одна печаловалась, что мол горда. «Чем же гордишься», – спрашиваю, – «верно, знатна?» - «Да, нет», - отвечает. «Ну, тогда, небось, талантлива?» - «Разве, как все...» - «Ну так, стало быть, богата?» - «Нет...» - «Гм. Тогда гордись».

Достоевский (*после паузы*). Не всю ли страну нашу подразумеваете, несчастную?

Амвросий. «Несчастную»? Хотя, действительно, как уж особенно станет, чем гордиться, тогда-то горя и жди. В вашем творчестве немало достойного, потому что к Вере своих читателей подводите. Хотя по вашей вере получается, будто Спаситель наш и апостолы всемирное торжество любви и правды предрекали, а не близость конца. Но ведь без такого идеала, скажите, читать не станут?.. А у иных беллетристов восхваление народа. Опять же для жанра, а каковыми стать последствием?.. Только что вами сказано о согласовании с адом, откуда тот, «психолог проклятый»...

Достоевский. Позвольте. Мои слова. Ставрогина. Что не вошло в роман... И слава Богу.

Амвросий. Вот это хорошо: «Слава Богу». И ещё бы вам бы сегодня это более повредило – имено в виду ваших критиков... Как мы отчитываем: «Да примут крепость себе знаменоваемии державную, наступати на змию и на скорпию, и на всю силу вражию, им же еси повелел...»

Достоевский (*в лёгких судорогах, говорит скованно*). Припадок сейчас будет... Наверное...

Келейник (*Амвросию*). Душа исповедаться хочет до конца, а лукавый не даёт.

Амвросий (*Келейнику*). И ещё роман сочиняется... С нами разговаривает, а фантазия эвон где. (*Опускается на колени перед иконами и читает молитву.*) «Се, чадо, Христос невидимо стоит, приемля исповедание твое. Не усрамяся, ниже убойся, да не скроеши что от мене: но не обвиняя рцы вся елика содеял еси, да приимеши оставление от господа нашего Иисуса Христа...»

Келейник. Женщина ему показалась... Питался чужими страданиями, так об нём говорили.

Амвросий. Мы берем чужие грехи и отпускаем, а оне берут, и те их не отпускают... «Се и икона Его пред нами: аз же точию свидетель есмь, да свидетельствую пред Ним вся, елика речеши мне. Аще ли что скроеши от мене, сугуб грех имаеши. Внемли убо: понеже бо пришел еси во врачбницу, да неисцелен отидеши».

Достоевский бьётся в судороге и вскрикивает, Келейник подхватывает его.

Келейник. Глаза белые... Молитву б надо Василия Великого. Бес терзает.

Амвросий (*накрывает Достоевского епитрахилью*). Или талант?.. Подай большой требник.

Келейник (*подаёт Амвросию большую книгу*). А не хотел исповедываться. Душа хотела, а он...

Амвросий (*берёт книгу*). Он перед всеми читателями своими исповедуется.

Келейник. Или б чин на разлучение души от тела, внегда долго страждет?.. И ещё елею и соли посолить – чего бес не любит?

Амвросий. Он уже раньше в фантазии написал, как его герой, князь Ставрогин, приходит в монастырь для покаяния. А издатель в роман не поставил, потому что преступление, растление девочки и её самоубийство, ярко представил. (*Одевает очки, перекрестился, готовится читать.*) Как бы эта фантазия – да тоже не провидение, но иных судеб... (*Властным голосом читает молитву против бесов.*) «Бог богов и Господ господей, огненных чинов творец и безплотных сил хитрец, и небесных и наднебесных художник, Его же не виде ни един же от человек, ни видети может, Его же убояся вся тварь: разгордевшего иногда архистратига, и своею его службою ослушанием отвергшася, свергий на землю. И отступлышия с ним ангелы, бесы злобою бывшая, во тьму глубины преисподния предавый, даждь заклинание мое, о страшном имени Твоем совершаемо грозно быти ему владыце лукавствия, и всем споспешником его, спадшим с ним...»

Затемнение. Келия Тихона, подобная келье Амвросия, но сумрачнее и аскетичнее. Тихон читает за столом. Стук в дверь. Входит Ставрогин-Достоевский (Ст-Д).

Ст-Д. Вы отец Тихон? (*С усмешкой.*) Монах, описанный в романе «Бесы»?

Тихон. А вы князь Ставрогин?

Ст-Д. И меня знаете? Неужели я успел отрекомендоваться?

Тихон. Но вы известны уже. Можно сказать, повсеместно.

Ст-Д. Повсеместно?

Тихон. И ваша трагическая жизнь.

Ст-Д (*раздражённо*). Почему трагическая? Разве какие-то сплетни...

Тихон. Но повод к им - трагический характер вашего дарования.

Ст-Д (*раздражённо*). Описываю, что вижу. А читатель оборачивает это на меня в худшей позиции... «Дарование».

Тихон. Мне припоминаются черты вашей подруги. При несходстве внешнем много сходства внутреннего. Духовного.

Ст-Д. Никакого сходства. Особенно духовного. Даже со-вер-шенно никакого! Это вы говорите так... из сострадания к моему положению и вздор... Однако... разве Полина у вас бывает? Да? Никогда не знал. И о пощёчине вы слышали?

Тихон (*после паузы*). Но она предназначалась не вам. Подруга ваша вышла замуж за публициста Василия Васильевича Розанова, значительно моложе ея. И он пишет, что утром после постели, когда он направляется умываться, порой ударяет его по лицу.

Ст-Д (*раздражённо*). Знаю. (*С усмешкой.*) Всё вам известно. И об её отказе пойти за меня известно?

Тихон. Да. После того, как вы отказались жениться, когда она к тому стремилась.

Ст-Д. Но тогда я не мог. Однако, неужели это имеет значение для вас и для кого-то?

Тихон. А для вас по сию пору?

Ст-Д (*рассматривает книги на столе и в шкафу*). Всё-то вы знаете... А это что у вас? (*Берёт книгу*.) Сочинения Достоевского? Православные ортодоксы его взгляды отрицают.

Тихон. Разные могут быть мнения.

Ст-Д (*полистав книгу, отбрасывает и рассматривает цветы*). Цветы у вас увядают. Сирень.

Тихон. Наверное, не переменили воду.

Ст-Д (*с усмешкой*). А я подумал, от нечистой силы. Вы ведь здесь, вероятно, практикуете - «запрещения о дьяволе».

Тихон (*усмехается*). У всех он за левым плечом.

Ст-Д. Да, говорят. (*Посмотрел на Тихона*.) Решительно не знаю, зачем я пришёл.

Тихон. Но вы же нездоровы.

Ст-Д. Да, нездоров. Подвержен припадкам и некоторого рода галлюцинациям, особенно по ночам, когда пишу. Что вижу иногда или чувствую подле себя какое-то существо. В разных лицах и разных характерах, но в то же время как бы одно и то же; злое. (*Пауза*.) Поэтому критика упрекает меня в однообразии моих персонажей.

Тихон. Рядом с вами, вы говорите? Возможно, ваша подруга?

Ст-Д. Вы так говорите утвердительно... Вы видали таких, как я, с такими видениями?

Тихон (*после паузы*). Из писателей Гоголь... Пожалуй, он.

Ст-Д. Николай Васильевич? (*С иронией*.) Как и ему, значит, мне тоже следует съездить в Оптину пустынь, чтобы «отчитали»?

Тихон (*после паузы*). Давно это у вас?

Ст-Д. Как добился литературной известности. Даже раньше, ещё там в Сибири. (*Пауза*.) А вы не можете предположить, что это в самом деле бес? Ведь это было бы сообразнее с вашей профессией?

Тихон. Вероятнее, что болезнь. Хотя...

Ст-Д. Хотя что?

Тихон. Беси существуют несомненно, но понимание о них может быть весьма различное.

Ст-Д. Вы опять опустили сейчас глаза, что вам стало стыдно за меня, что я в беса верую, а в Бога... И что я хитро задаю вам вопрос: есть ли Он или нет в самом деле.

Тихон. Вы сами знаете ответ, и многие уверовали по чтению ваших произведений.

Ст-Д (*испуганно оглядывается*). Всё таки вы чудак и юродивый. И вы совершенно убеждены, что я пришёл вам открыть одну «страшную тайну», и ждёте её со всем келейным любопытством, к которому вы способны. (*Даёт исписанные листы*.) Черновик нового романа, где я предполагаю исповедаться перед читателями. Так сказать, раскрыть свою душу и намерения.

Тихон (*одевает очки и читает*). Глава «У Тихона». (*Смотрит на Ст-Д*.) «Страшная тайна»? Истязание несчастной слаборазвитой. Впрочем, если это понимать символически обобщённо... Деревенская, малограмотная - и (*указывает на Ст-Д*) высший ум плюс европейское образование. (*Пауза*.) Но разве, хотя бы отчасти, не сама она виновна – из-за своей отсталости?

Ст-Д. Нет. То есть вы так говорите, чтобы меня успокоить. (*Закуривает и кашляет*.)

Появляется «видение Матрёшки»: световое пятно, звуки пощёчин, детские крики и всхлипывания. Ст-Д: «Матрёша, Матрёшечка, люблю, люблю, тебя люблю, неужели мне не веришь? А что есть любовь ты знаешь? А? Сейчас узнаешь, научу. Одну тебя так люблю, потому что тебя мучает, истязает мать, а я сейчас успокою, моя девочка, нам вместе станет - тепло, хорошо, ты этого ещё не испытала, а я подарю, это несравнимое ощущение. Верь, верь мне, Матрёша...» Звуки поцелуев, смех мужчины и стоны. Детский голос: «Как, как это? За что... За что меня? Ой... Больно... Отпусти...» Плач девочки и её жалобный голос: «Обманул... Меня обманул... Ну, ладно... Я виноватая. Бога убила... Сама я... Теперь как же жить буду?... Нельзя...» Плач и вздохи умолкают, но световое пятно остаётся. Тихон смотрит на него с тревогой, но Ст-Д неожиданно смеётся.

Ст-Д. А это эпатаж. Я и литературных критиков этим пугаю. А? Их целомудренность ведь тоже своего рода ограниченность. Действительность же богаче?

Тихон. Смотря по тому, какую действительность вы имеете в виду.

Ст-Д. Ох, у вас всё... (*Жест вверх.*) А я про земное. Что люди, подавляя в себе тёмные инстинкты, убивают вместе с ними нечто живое. Эдакие ходячие добродетели. (*Усмехается.*)

Тихон. Я понимаю, напротив, что добродетели достигают, преодолевая соблазны.

Ст-Д. Вот я вас, наконец, поймал: значит соблазны нужны?

Тихон (*крестится*). «Не введи нас во искушение, но избави нас от лукаваго...»

Ст-Д (*шутливо*). А без искусителя всё же жизнь не полна... А теперь я серьёзно. Скажите, вы верите в реальность сверхъестественного?

Тихон. Когда спрашивается не о знании, а о вере, тогда только в сверхъестественное и верят.

Ст-Д. (*серьёзно*). Так, я вам расскажу историю. Ещё в ссылке, в Семипалатинске, в одном доме появилось беспокойство: детские крики, особенно по ночам. По этой причине дом не продавался: в нём не могли жить... В нём не могли жить, пока не догадались обратиться за помощью к священнику. И тот предположил, что в доме умер некрещённый младенец. И священник дерзнул... Дерзнул провести в дому положенный обряд, нареча приведению имя. В качестве восприемницы священник, между прочим, взял икону Божьей Матери. Как не еретически это, но после - крики прекратились. То есть затем он совершил и отпевание...

Тихон (*после паузы*). Что вы хотите этим сказать?

Ст-Д. Что я хочу сказать? Вот вопрос... Именно: что я хочу сказать... Как здесь гудит у вас что-то. Или у меня в голове? (*Пауза.*) Вы не писатель, и вам не понять, какой крест несут создатели образа России. Гоголь сотворил его, и ужаснулся, каялся... Почему европейские классики писали об общечеловеческом, исходя из... что лишь высшее в человеке истинно человеческое?... писали о вечных проблемах, - а мы только о своем, о себе, о том, как мы бедны, грешны, ущербны. Мне тоже не достало таланта дать положительного примера. Здоровую семью, любовь без боли...

Тихон. Может быть, подобного вы не встретили в жизни?

Ст-Д. Как вы можете сказать такое? Вы грубый циник. Если так думаете о природе человека. Я такого не думаю... Однако... смог показать лучшего человека лишь больным, непременно страдающим, слабым, жертвой. Но это от недостатка дарования. Всякий раз я намеревался, обещал, описать убийцу раскаивавшимся, безбожника уверовавшим, развратника исправившимся, и...

Тихон. Христос тоже был принесён в жертву. И победил. (*Пауза.*) И ваши сочинения нужны тоже униженным и оскорблённым. И разве не сами вы – и князь Мышкин, и Настасья Филипповна, и Сонечка Мармеладова, и подобные? Переложить Евангелие на современное, помочь страданию, хотя ценою своего. (*С восхищением.*) А как у вас написано: «Почему дитё плачет?» Мистический вопрос, ассоциация с Страстной Богородицей: ведь Она добровольно превечно жертвует Сыном... Мать, раждая ребёнка, сама отдаёт его в мир на муки... «Почему дитё плачет?...» У вас девочка?

Ст-Д. Спасибо. Спаси Бог, если мне удалось это донести. (*Пауза.*) Вы назвали моих несчастных героев... Но я же их мучитель и жестокий судья! А этот мой нераскаянный грех, завлекательно представленный, что отторгнул издателя. (*Пауза.*) Но она сама довела, распалила.

Тихон (*после паузы*). Подруга ваша распалила?

Ст-Д. Также по лицу моему прочли, наверное? (*Неуверенно.*) Пощёчину имеете в виду. (*Пауза.*) То привлекала, то отталкивала. Говорила, что хочет за меня, когда я не мог... А когда смог – первая жена моя больная тогда умерла, - отказалась.

Смех Полины и звук пощёчин. Видение: силуэт женской фигуры (Полины).

Ст-Д. (*испуганно оглядывается на видение*). Наваждение. Во всю жизнь.

Голос Беса-Полины. Женская любовь – это разрывание естества не только во имя природы, но ради большего и тобой непонятого. Что женщина каждый месяц кровоточит и, даже не имея детей, ищет опоры, защиты. И её красота, её любовь хранит. Об этом ты написал?

Ст-Д. Мой талант иного рода...

Голос Беса-Полины. «Твой талант». А он - не я ли? (*Издательский смех.*) А ты ещё хотел равенства в отношениях со мной, с ним...

Видение исчезает. Ст-Д безуспешно ищет его.

Ст-Д. Исчезло. Она мне мстила. Я понимаю, за что. Наверное, так оплачивается успех у читателей.

Тихон. Полина – Аполлиария? (*Достаёт из шкафа том «Жития святых», одевает очки, листает, читает.*) Пятого генваря, Аполлиария. По житию тоже отвергалась от брака, а затем обвиняема была в растлении сестры, когда спасалась в мужском монастыре в мужеском образе.

Ст-Д. А Фёдор?

Тихон. Феодор Студит? (*Достаёт другой том.*) Житие своего святого покровителя должно знать хорошо. Преподобный Феодор – великий страсотерпец, византийский аскет, написавший монастырский общежительный устав. Из которого происходят многие последующие правила.

Ст-Д. Они в разное время жили? Аполлиария и Фёдор?

Тихон. Аполлиария раньше. Почти античное время.

Ст-Д. «Античное время». Нам представляется едва не раем. Высокообразованный культурный слой - и варвары в аду, рабы, которых Аристотель не считал людьми, а одушевлёнными механизмами. Так ценилось высшее. И христианство это высшее возвысило ещё более. Хотя ценой уничтожения плоти, особенно женской.

Тихон. Так вот святая Аполлиария свою красоту и добродетель скрывала, чтобы не вызывать кривотолков и дурных чувств.

Ст-Д. А Полина наоборот, не умела и не хотела ничего прятать. Меня третировала как бы свысока.

Негромкий женский смех Беса-Полины. Ст-Д и Тихон вздрагивают.

Ст-Д. Любовь, переходящая в ненависть. Доброта в злобу. Скромность в нескромность. Красота, которая вблизи - едва не уродством. Но её высокомерие меня направляло к сочувствию всем униженным... И, как ни странно, в общении с ней у меня почти не было припадков; был здоров.

Тихон. Вы не излишне демонизируете вашу подругу? Исходя из особенностей вашего дарова...

Ст-Д (*перебивает*). Нет! Она меня «сдемонизировала». Так скажу. Проходит другая женщина – мне мерещится она. Помнится ещё: были мы с ней в картинной галлерее...

Шум пира, звуки конской погони и истязания женичины: удары хлыста, женские крики.

Тихон. В Дрездене. Картина Клода Лоррена.

Ст-Д. Нет. С Ботичелли. Видение на пиру... На пиру жизни... Обнажённую женщину преследуют собаки и рыцарь на коне. Красавица, видите ли, не утолила его страсти, и эта сцена, привидение, повторяется в каком-то замке. Ботичелли изобразил в нескольких картинах все фазы этой страсти.

Крики обрываются. Тихон и Ст-Д всматриваются и вслушиваются.

Тихон (*печально*). Забили.

Ст-Д (*с усмешкой*). Нет. Не чувствует боли. Никогда не чувствовала. Кричала - на публику. После касания дьявола чувство боли может теряться? Ну и женская природа. Реагируют на воображаемое, чем на действительное.

Тихон. Как и ваша светлость, князь, писательская, наверное.

Ст-Д. Князь? (*Смеётся.*) «Князь тьмы»?

Ст-Д вынимает из-за пазухи нож и приближается к Тихону, который угрозы сначала не замечает. Звуки преследования сменяет фрагмент светозвукового «видения Матрёшки».

Тихон. Но вы свою пессию также наказали. Убили совместно с князем Мышкиным.

Ст-Д (*продолжает с ножом приближаться к Тихону*). Да. Да. Рогожин-убийца – тоже я.

Тихон увидел угрозу и перекрестил Ст-Д, тот опускается на стул. Обычное освещение: в келье Амвросий читает Требник, Келейник держит бьющегося Достоевского.

Амвросий. «Заповеждь отити оттуду, дабы кому ничтоже вредно во образех знаменоваемых»

Келейник. Женщина виновна.

Амвросий (*продолжает молиться*). «Но да примут крепость себе знаменоваемии державную, наступати на змию и на скорпию и на всю силу вражию, им же еси повелел...»

Келейник. Дочери Евы. Уравнять себя с мужчиной тщатся и бесу душу отдают.

Амвросий (*снимает очки*). А другия готовые отдать, уже дерзая равняться в творении с Богом. (*На Достоевского.*) Вот по благословению во браке промеж писателями счастливое исключение, однако ж сердце в плену - не жены законной, а неудачливой ея предшественницы. Подай Бог облегчиться

страдальцу от сего... (Молится.) «Твое бо поется и величается от всякого дыхания, и славится со страхом пресвятое имя, Отца и Сына, и Святаго духа...»

От Достоевского отделяется Бес-Полина. Достоевский перестаёт биться. Беса-Полину видит только Келейник, в ужасе крестится и пытается перекрестить Беса.

Амвросий. «И славится пресвятое имя, Отца и Сына, и Святаго духа. Ныне и присно во веки...»

Бес-Полина (Келейнику). Павел, Павел, зачем ты меня гонишь?

Келейник (испуганно). «Савл». В Писании «Савл». (Амвросию растерянно.) Савл в Писании? «Савл, Савл, зачем ты меня гонишь?» Что я говорю? (В ужасе кричит.)

Бес-Полина (со смехом). Хочешь искусство уничтожить, ненавистник? Жизнь выпрямить? А кого князем мира называют? Кто всему правит?

Келейник (с ужасом). Изыди, сатана! (Крестится и пытается перекрестить Беса.)

Амвросий. Видение женщины?.. Ну, да. Ты ж в девстве к нам сюда постригся. (Даёт распятие.)

Келейник с распятием, а Амвросий с епитрахилью наступают на Беса.

Амвросий (Бесу властно). Ты нам соблазн. Изыди!

Бес-Полина со смехом уворачивается от монахов (Амвросий бьёт её епитрахилью, как бичём) и наконец исчезает. Амвросий и Келейник склоняются над спящим Достоевским.

Амвросий. Успокоился, страдалец. Надолго ли. И мы с тобой, брат Павел, слабы, грешны. Вот мы его облегчили, от чего он последним мучался, но бес, – говоришь, бес?.. – возможно, его гений. Как с этим? Как мы читаем кающимся: «Аще ли что скроеши от мене, сугуб грех имаеши, внемли убо: понеже бо пришел еси во врачевницу, да неисцелен отидеши».

Келейник. Надо ещё солью. И святой воды.

Звуковой фон. Обычная комната; неестественное освещение. Достоевский и Полина, в стороне под иконами молятся Амвросий и Келейник.

Достоевский (виновато целует руку Полины и задерживает её у своего лица). Новые духи?

Полина (с иронией). Что ты мне обещал подарить. С выигрыша в рулетку.

Достоевский. Прости. Ты простишь, знаю. Я кругом виноват. Но я сдержу слово.

Полина. Лучше, не держи. Станетя дешевле.

Достоевский. Когда я вчера сперва выиграл, я думал о подарке тебе. И аромат остался.

Полина. А меня винят, что я кружу тебе голову. А это твоя фантазия.

Достоевский. Возможно. От неё весь мир у меня идёт кругом.

Полина. Или вращается рулетка. Она тебя вдохновляет: после проигрыша тебе пишется.

Достоевский. Моё вдохновение – всегда ты.

Полина. Конечно. Тогда меня остаётся проиграть.

Достоевский. Вот и новое придумала. Тебя любить, – как любить нескольких женщин.

Полина (уклоняется от ласки и усмехается). Да? Одновременно?

Достоевский. Иногда даже... девочку. (Смеётся.) Неужели ты меня по-прежнему любишь?

Полина (с горькой иронией). Когда я отдала тебе всё?.. «Даже девочку». Правда, ты сказал, что невинность существует только для того, чтобы её терять. Но почему-то это касается только женщин.

Достоевский. Я так сказал? Мы говорили о том, что зло первично, а добро – его лишь антитеза. Неделанье зла. И потому Христос...

Полина (перебивает). Так, вот я теперь, похоже, – это: что оно первично. Зло... Хочу оправдать себя тем, что вот мол – «отдала всё». Но, кажется, тебе удалось открыть во мне что-то, чего я – да - в себе боюсь... Наверное, потому, что ты вдвое старше меня, столько пережил и, конечно, умней... Ты за эмансипацию, но хочешь привязать к себе... Хотя, кажется, я отдала тебе и своё будущее. Которое темно. Не говоря о сегодняшнем.

Достоевский. Моё будущее, как и сегодняшнее, – только с тобой. Ты знаешь. Как бы ни темно, как ты говоришь, оно было.

Полина (задумчиво). Возможно. Но возможно, что опять же за мой счёт.

Достоевский (смущённо). Ты вчера расплатилась. Но я отдам. (Усмехается.) И духи, что тебе понравились. Сирень.

Полина. Я не деньги имею в виду.

Достоевский (*после паузы*). Да. Мужчина – миллионер. Я проиграю, потрачу сто тысяч, двести, пятьсот тысяч, и останусь богат. А у женщины только рубль, но она его отдаёт весь. (*Задумывается.*) «Рубль цена...» Кто-то говорил...

Голос Амвросия. Мадонна уже обыкновенной женщиной, а сейчас выходит публичная.

Голос Келейника (*повторение в записи*). Рубль – цена привокзальная.

Достоевский (*вслушивается в голоса и говорит про себя*). Дорога жизни и дорога веры расходятся. Неужели жизнь всегда права? (*Спыхватывается и обращается к Полине.*) Да. Женщина отдаёт всё, ничего не оставляя себе. Но её рубль – дороже тех миллионов...

Полина. Аморо эрго сум.

Достоевский. Что? Когито эрго сум. «Мыслю – и существую».

Полина. Это у твоих философов. А моё - «существую, пока люблю».

Достоевский. «Амо эрго сум». (*Обнимает Полину.*) Я верну всё и больше. Поверь.

Полина (*насмешливо*). Выиграешь. В карты, наверное, уже...

Достоевский. Да. То есть нет. Но верну, обязательно. Клянусь.

Полина. Не клянись. Мне, по крайней мере.

Достоевский. Что значит «по крайней мере»? А другим?

Полина. Другой.

Достоевский. «Другой» не будет. (*Обнимает.*) Моя. Единственная... Ты завладела моим всем. (*Нежно.*) Околдовала. Бес.

Полина (*грустно*). Да. Когда нет тебя. Когда нет «амо». «Любовь», по-латыни? (*Целуясь, показывает, что как бы съест партнёра.*) Амо! Амо! Амо! (*Одевает тёмные «страшные» очки.*)

Достоевский (*ласкает Полину*). И деньги верну. Скоро. Обязательно. Но, главное, расплачусь тем, что ты останешься навсегда... со мной. Моей...

Полина (*снимает очки*). В тиражах. Чтобы читали и млели какие-нибудь холостяки и старые девы.

Достоевский. Что ты говоришь? Ты говоришь это, чтобы мне было больнее? Неужели ты так можешь думать? Ты для меня...

Полина (*раздражённо*). «Женщина создана, чтобы давать, а мужчина, чтобы брать».

Достоевский. А ты хочешь наоборот.

Полина. Да! Наоборот! Но не в пошлом смысле! (*Угнетённо.*) Но и в непошлом ты всё у меня забрал. Во мне видишь женщин будущих романов, где моё поделено между хорошими и дурными, красивыми и уродливыми, молодыми и старыми. А меня живую не поделить. У меня только «амо»...

Постой: «анима» - жизнь?

Достоевский. Прости. Я опять проигрался. Но ты ведь и хочешь видеть меня таким.

Полина (*насмешливо*). «Униженным и оскорблённым»? Чтобы ты мог их описать? (*Грустно.*) Это ты так хочешь, тебе нужно, а я для этого средство, профессиональный литературный инструмент. (*Пауза.*) Ты мне ничего не должен. Я буду. И ты меня забудешь. Живую меня. Оставив в сочинениях.

Достоевский (*страстно обнимает и целует*). Что ты говоришь?! Никогда! Как ты можешь так меня оскорблять?! (*Обнимается.*) Говоришь, что я тебе открыл бездну. Но и ты во мне их открыла. Это тебя пугает? А почему я этого не боюсь?

Полина (*как бы пугая*). Меня не боишься? (*Печально.*) Так жить невозможно. Иногда я думаю, что мне надо броситься под поезд. Но я этого не сделаю.

Достоевский. Но почему, почему мы должны расстаться?!

Полина. Потому что я сгораю. С тобой меня бросает в жар и холод.

Достоевский (*печально*). Потому что ты молодая.

Полина. Ты тоже не стар.

Достоевский. Больше, чем каторгой, изношен своими героями. Писатель же проживает с ними все их жизни. Так что, я их сорок жизней или боле прожил. Значит, сколько мне лет...

Полина. Если сорок, то моя сорок первая. Ты её тоже проживаешь, как проигрываешь, мне оставляя пятна на зеленом сукне; ну еще, наверное, какие-то чаевые и солёный осадок мне на душе.

Достоевский (*шутливо*). Почему «солёный»? Считается, что бесы такой приправы не переносят. Полина (*неприятно*). Что?

Достоевский (*ласкается*). Неудачная метафора. Пошутил. Полечка, матрёшечка, люблю, люблю, люблю, неужели мне не веришь?

Полина смеётся злым смехом и делает партнёру больно.

Достоевский (*сдавленно*). Больно... Отпусти...

Полина (*зло смеётся*). А ты меня... А ведь не отпустишь... В твоих фантазиях. И в них делай со мной, что ты хочешь...

Полина приобретает бесовские черты и провоцирует Достоевского..

Бес-Полина (*обнимает Достоевского и смеётся*). А сейчас я буду делать с тобой, что хочу. Потому что зло, остро. Творчество без этого что-нибудь стоит? (*Полушутливо.*) Я тебя ненавижу и передам тебе...

Достоевский (*неуверенно*). К социализму. Заблуждения молодости...

Бес-Полина. Но они задержатся. Чтобы их ненавидеть. Кого ещё? Кто-то ещё там?.. Да?

Достоевский. Французы?.. Поляки. Встречал. Брезгливые...

Бес-Полина (*смеётся*). Ну, а... Ещё, главные...

Достоевский. Главное в Боге...

Бес-Полина (*смеётся*). «Богоиз...»

Достоевский. «Богоизбранный...» Племя. (*Усмехается, затем сочиняя и записывая.*) Да. «Вековечная брюзгливая скорбь, которая кисло отпечаталась на лице его...»

Бес-Полина (*смеется*). Потому что нельзя раскисать одним только добром.

Достоевский. То есть и социализм неизбежен...

Бес-Полина. Белое и черное. Белое и красное.

Достоевский (*усмехаясь*). Опять на какой цвет ставится фишка. Но так и в жизни наш выбор: или белые, или красные.... (*Смеётся.*) Или нет: вино белое и красное.

Бес-Полина. Теперь вино? А сначала говорил «Бог». (*Жестом показывает крест.*)

Достоевский (*серьезно*). Да. Крест. На всех нас.

Бес-Полина. А звезда? Ты говорил...

Достоевский (*тревожно*). Я? Про звезду?

Бес-Полина. В середине её...

Достоевский. Ничего. Пусто. Отверстие.

Бес-Полина. Живое... (*Эротический жест ритмического сжатия.*)

Достоевский. Жизнь, грех.

Бес-Полина. Живое, теплое, женское. Моё... Ты у меня его, её, раскрыл, растлил, а теперь сам...

Достоевский. Твое, да. То есть я твой.

Бес-Полина. Да. Злой. А говоришь, «изношенный». Нет: злой мужчина. Острый. Любовь...

Световращение. Гул. Затемнение. Стоны Беса-Полины и Достоевского.

Голос Беса-Полины. Через меня - твоё... Сам хотел... Хочешь... Заставляешь...

Световращение останавливается. Исчезает гул. Свет. Келья Амвросия. Амвросий с Келейником читают молитвы и кропят святой водой спящего Достоевского.

Келейник. Значит, отпустил ему, батюшка, грех?

Амвросий. Пуще он перед читателями своими исповедуется. Особенно в мысленных грехах. У кого таких нет? И будущее ему надо провидеть. Писателю всё нужно познать.

Келейник. Душу готовы отдать.

Амвросий. Что? Но главное, что для нас с тобой будущее – в вечности, а им – здесь через сто лет.

Келейник. Грешно смотреть Божьи тайны.

Амвросий. Грешно – что сегодняшние какое «будущее» делают. И будут поэтому тогда тоже (*усмехается*) писатели, монахи, женщины...

Появляются кукольны персонажи. Келейник, глядя на них, крестится.

А м в р о с и й . Вроде те же, да не те же. (*Насмешливо.*) «Всечеловеки». Тут разговаривали давеча, что коммунистическое общество будет не бессловным, а напротив, и с сильным верхним правящим слоем. У нас в Оптиной, скажем, расположиться ихнему действительному тайному советнику, хотя ему называться по-иному.

К е л е й н и к . Странное, батюшка, глаголеши. Не демократия, а порядок тогда, значит, утвердится?

Кукольные персонажи исчезают. Достоевского кропят святой водой и читают молитву: «...быти ему владыце лукавствия, и всем споспешником его, спадшим с ним с вышних светлости, и обрати на бежание, и заповеждь ему отити оттуду, дабы к тому ничтоже вредно во образех знаменоваемых содеял...» Темнеет. Бьёт колокол. Кабинет Парторга в училище на месте монастыря, 1960-е годы. Та же мебель, но вместо икон - портреты. Парторг и Заместитель - куклы, похожие на Тихона и Келейника. Стук в дверь.

З а м е с т и т е л ь . Войдите!

Входят Достоевский и Полина.

Достоевский. Позвольте представиться. Достоевский. Фёдор Михайлович. Ленинградский журналист... Моя жена Полина. Аполлинария.

Парторг (*представляется*). Парторг сельхозпрофтехучилища, Тихон Амвросьевич.

Достоевский (*Полине с удивлением*). «Тихон Амвросиевич»... Чудо! Но куда-то вниз.

З а м е с т и т е л ь (*представляется*). А я замсекретаря.

Достоевский. На месте монастыря, значит, теперь будет сельскохозяйственное училище?

Парторг. Почему будет? Уже давно. Лет сорок-сорок пять, как монастырь прикрыли.

З а м е с т и т е л ь . Так нам сорок, сорок пять? Как же мы юбилеи проворонили?

Парторг. Так не сразу нас сюда. Чего тут не было. Детская колония, лагерь польских военнопленных, дом отдыха, лесопилка одно время была, а в войну штаб маршала Рокоссовского. (*Достоевскому.*) Вы и про это будете писать?

Занавес

ВТОРОЕ ДЕЙСТВИЕ.

Парторг и Заместитель (куклы) в кабинете. Стук в дверь.

З а м е с т и т е л ь . Войдите!

Входит Журналист и его Жена - куклы, похожие на Достоевского и Полину.

Журналист. Позвольте представиться. Михаил Фёдорович. Ленинградский журналист... Жена Полина.

Парторг (*представляется*). Парторг сельхозпрофтехучилища, Тихон Амвросьевич.

З а м е с т и т е л ь . А я замсекретаря.

Журналист. «Тихон Амвросиевич»... Чудо! Я говорил, здесь охватывает такое ощущение. На месте монастыря, значит, теперь будет сельскохозяйственное училище?

Парторг. Почему будет? И что всё монастырь поминаете? Лет сорок-сорок пять, как его закрыли.

З а м е с т и т е л ь . Так нам сорок, сорок пять? Как же это мы юбилеи проворонили?

Парторг. Так не сразу нас сюда. Чего тут не было. Детская колония, лагерь польских военнопленных, дом отдыха. Вроде, лесопилка одно время была. А в войну штаб Рокоссовского. Вы и про это будете писать?

Журналист (*со смехом*). Про маршала, на голову которого мочились?

Парторг (*недовольно*). Теперь пошло. Что у Покрышкина был американский истребитель. И что звёздочек-де у него на фюзеляже рисовали больше, чем он фрицев сбивал.

З а м е с т и т е л ь (*Парторгу*). Разве на Рокоссовского следователь мочился? Не на Мерецкого?

Парторг (*после неловкой паузы*). Маршал Мерецков воевал под Ленинградом... А я в партизанах.

Журналист. Ну в партизанах не такое было. Лаврентий Берия руководил. (*Усмехается.*) «Смирись, гордый человек», – учил Достоевский.

Парторг. Да. Фёдор Михайлович здесь у нас был. Литературное место. (*Повернувшись к Заместителю.*) Не одно только партизанское...

Журналист. Не от вас поговорка «чем дальше в лес, тем толще партизаны»? Чем дальше влез, тем ближе вылез... Я здесь себя ощущаю писателем. Тот Фёдор Михайлович, я Михаил Фёдорович. А ты почти моя муза? А это место почти описано в «Братьях Карамазовых»; старец Зосима.

Парторг (*с иронией*). Тогда я почти этот старец.

Журналист. Тихон тоже был - в «Бесах». Так и так - духовный руководитель.

Жена (*непривязанно*). С этой достоёвщиной...

Парторг. Хотели писать о нас, мне звонили.

Журналист. Да. Лучше, чем в «Братьях Карамазовых» не напишешь? (*Пауза.*) Всё же – как та его фантазия давит. С ума сойдёшь.

Жена. Здесь ещё Толстой и Гоголь были.

Журналист. Толстоевский. (*Смеётся.*)

Парторг. Но сегодня у нас нет тех... конфликтов, - потому что в созидательной работе. Некогда, так сказать, предаваться иллюзиям.

Журналист. Да. Громоздили Бога-дьявола...

Жена (*смотрит на часы*). Лекарство выпил?

Журналист (*глотает таблетку, затем Парторгу и Заместителю*). У меня припадки бывают.

Жена. Ревности.

Журналист. Как у Льва Толстого. Говорю: я «толстоевский».

Жена. У всех писателей сейчас вроде ложной беременности, как у женщин, которым очень хочется родить. У них увеличивается живот...

Журналист (*с юмором*). Отрастёт борода классика. И нет месячных.

Жена. Зарплаты?.. Но, главное, внутри - пусто. И ещё, что у женщин лечится, а графоманство...

Журналист. Как не лечится?! Гоголь обратился к церкви, и перестал писать, сжёг рукописи. Толстой тоже: литературу на религию поменял, «если можете – не пишите» его фраза тогда...

Жена. А ты можешь?

Журналист. Что?

Жена смеётся. Включают радио. Голос диктора: Трудящиеся Советского Союза стали на трудовую вахту в преддверии открытия съезда партии...

Парторг (*угрюмо*). Спутник вокруг Луны запустили к Съезду.

Заместитель. Сейчас всё про Съезд.

Журналист. Да так, что утюги, говорят, опасно включать – они про Съезд начнут говорить.

Жена (*смеётся*). Расскажи. (*Парторгу.*) Такое он хорошо рассказывает. У него это как любовь.

Журналист. Последнее время слишком много анекдотов. Не запоминаю. Прямо болезнь.

Жена. Ложная гениальность.

Журналист. Фёдор Михайлович забывал имя законной жены.

Жена. Потому что сердце принадлежало другой.

Журналист (*после паузы*). Да. У него на таможне спросили паспорт жены... В XIX веке его жена не имела - он у мужа он находился. Спросили у него паспорт жены, а он: «Аня, как тебя зовут?»

Жена (*печально*). И однажды не узнал своей той роковой любви. Аполлинария пришла, когда уже был женат, дети, - и её не узнал. Хотя всю жизнь образ её в нём жил. Муза его inferнальная. (*Пауза.*) Ну, рассказывай. «Девочка пошла в школу в неглаженном...» Как её звали хоть?

Коротко повторяется «видение Матрёшки», воспринимаемое только Журналистом.

Журналист. Матрёшкой... Мне кажется... что происходит сейчас, наши разговоры, - их тень... Может быть, этого нет... Шум какой-то у вас здесь... в ушах. Вроде, как после колокольного звона.

Заместитель. Вы всё про монастырь? А мы уже забыли.

Жена (*Журналисту*). Лекарство не действует? (*Даёт одну таблетку Журналисту.*)

Журналист. А что было – реальней. Раскольников, Свидригайлов, князь Мышкин, Ставрогин...

Жена. И женские роковые персонажи?

Парторг. Так что хотите рассказать?.. Ближе б к теме... Или, знаете? - давайте перекусим.

Заместитель. Конечно, конечно. (*Идёт к шкафу.*) По месту...

Парторг. Как говорится, «соловья баснями не кормят».

Журналист. А я предусмотрел. (*Достаёт бутылку водки.*)

Парторг (*рассматривает бутылку*). А у нас есть такое же своё производство.

Журналист (*рассматривает цветы*). Искусственные! Я-то думаю: чего не вянут?

Парторг. А почему должны вянуть?

Журналист. Говорят, от присутствия нечистой силы.

Жена (*неуверенно*). Откуда здесь нечистая? Наоборот, место святое.

Заместитель и Жена ставят на стол бутылки и закуски. Все выпивают и закусывают.

Заместитель (*Жене*). Посолите. Огурец без соли...

Жена. Я солёного не употребляю.

Журналист. Я же говорю...

Жена. Что... (*Парторгу и Заместителю.*) Муж меня считает ведьмой. Или, литературнее, бесом.

Парторг. Это нередко, мужья.

Заместитель (*наливает Жене*). А вот противоядие. «С чего начинается Родина».

Журналист. Спиритус, сиречь дух... На чём стоим, когда религию отменили.

Парторг. Одно не исключает другого. Наоборот, даже, – известно, попы всегда «квасили».

Говорите, для изгнания нечистого духа?

Заместитель (*угощает Жену*). Кто девушку ужинает, тот её и танцует.

Жена (*смеётся*). А я девушка?

Заместитель. Вы женщина специальная.

Парторг (*гримасничает; к Заместителю*). Если б он роман накатал... На Нобелевскую...

(*Отчётливо ко всем.*) Тем более такой день. Спутник запустили к Съезду. Ну и сельское хозяйство поднимаем. Целину подняли, сколько миллионов бросили... А вы с «неглаженными девочками».

Заместитель. Водка стынет! (*Всем наливают.*) Русское вливание не терпит отставание.

Парторг. Да. И ещё вмаж-ка гостям ещё по рыбки этой...

Журналист. Творец снабдил людей недостатками, иначе жизнь была б невыносимой. (*Жене.*)

Может быть, у Творца недостатки тоже? Он же по «Своему образу и подобию» нас создал...

Жена. Что есть у Творца?

Заместитель. В потенции всё есть. Главное.

Журналист. Как в женской моде: стремление к новизне, вопреки здравому смыслу.

Парторг (*Заместителю, видя его приставание к Жене*). Ещё одну звёздочку хочешь себе на ж...

«Покрышкин». Так, вы согласны, что основополагающие принципы нашей политики – правильные...

Журналист. Согласен, согласен. Марксизм абсолютно и во всём прав. Но при идеальной системе перемены могут быть лишь к худшему, а люди всегда стремятся к переменам.

Жена. Как у Достоевского: во всём видеть трагедию.

Журналист. Писателя за письмо Белинского чуть не повесили. Но тогда литература была.

Жена. Может, тебе ещё таблетку принять?

Заместитель. Или давай анекдот.

Журналист. Вот и размениваемся... (*Парторгу.*) А у вас поповская внешность. Возле храма к вам, наверное, подходят женщины под благословение.

Парторг. Давайте анекдот.

Журналист. Классиков за них тогдашние инквизиторы сразу били по пальцам и направляли в Сибирь... Но с нами иначе нельзя... Но главное, всё же их направляли на «вечные темы». А сейчас «по радио всё: «съест-съест, съест-съест», - и девочка побоялась утюг включить...»

Парторг включает радио. Пошла музыка, которая нравится Заместителю, но Парторг её переключает на гимн или писк мелодии, передаваемое спутником.

Жена. Спутник. Специально сделали. (*С иронией.*) Вот это и есть теперь вечное.

Голос Диктора. Говорит Москва. Работают все радиостанции Советского Союза. Передаём сообщение ТАСС. Сегодня в семь утра с космодрома «Байконур» ракетно-носителем на орбиту вокруг Луны выведена автоматическая станция Луна-двенадцать...

Парторг (*выключает радио; Журналисту и Жене*). Надоело? А надо - испытывать гордость, что Россия доказала всему миру, который объединился против. А вы анекдоты. Значит, «те» талантливее, что перетягивают на свою сторону?

Журналист (*угнетённо*). Они там талантливее имитируют цель и содержание жизни.

Парторг. Для дураков.

Журналист. Которые в большинстве... Вспомнил! Теща померла, повез в крематорий – а там жгут одних евреев. (*Смущённо.*) И это тоже уже было. Ксенофобия. (*Смотрит на Жену.*)

Жена (*усмехается*). Проглотил оскорбнку?.. А себя умным считаешь.

Журналист. Рядом с тобой.

Жена. Это женщины умеют у вас создавать такие иллюзии.

Журналист. Некуда только нас за это ссылать. (*Гримасничает.*) За границу.

Парторг. На трудовое перевоспитание к нам присылают.

Журналист. А у нас везде, говорят, «социалистический лагерь». (*Пауза.*) Раньше какие светила сюда приезжали, попы их тут привечали... А с другого конца – снизу - музы.

Жена (*закуривает*). Я недостаточно стержовна? Это от плохого искусства. Наша связь с искусством интимна, и когда оно тупо – мы тупы, и наоборот. (*Журналисту.*) «Катарсиса нет»? Энтелехии?

Журналист. А в самом деле. Энтелехия – это живая душа?

Все, кроме Журналиста, застывают, как неподвижные куклы. Звуковой фон и появляется световое пятно, а также звуки истязаемой женщины. Персонажи вновь оживают.

Журналист (*растерянно*). С Аполлинарией Сусловой тоже был такой своеобразный конфликт.

Жена. Не тоже, а на противоположной почве.

Заместитель (*после паузы*). Почвы у нас - подзол...

Журналист (*склоняется над Женой, которую тошнит*). Пересолили картошку.

Парторг (*тоже склоняется над Женой*). Нехорошо?..

«Видение» исчезает. Жену тошнит, Заместитель даёт ей выпить воды.

Парторг. Бывает, нашу воду не переносят...

Журналист. «Святая»?

Парторг. Глаза побелевши...

Жена одевает тёмные очки. Снаружи доносятся крики («Матрёшки»): «Как, как это?.. За что меня? Ой... Больно... Отпусти...». Заместитель убегает. Жена снимает очки.

Парторг. Твою мать!.. опять руку кому-то отрезало. «Техника опасности, безопасности...»

Заместитель (*вводит окровавленную Девку-куклу*). Вот. Тут не рука, другое место.

Девка (*рыдает и истерически смеётся*). Обманул... Меня обманул... Ну, ладно... Я виноватая. Сама я... Теперь как же жить буду?.. Нельзя...

Заместитель (*Журналисту*). Вот таких присылают. А тут своей шпаны...

Журналист. Матрёшка номер два.

Парторг (*Девке*). Кто пихнул... под пилу что ли?

Девка (*с истерикой*). Я виноватая. Сама я... Теперь как же жить буду?!

Журналист. Вот – реальность.

Парторг. С народом – доверяй, но проверяй.

Девка ведёт себя развратно-вызывающе по отношению к мужчинам, Жена пытается её успокоить и приласкать, а Заместитель бьёт по щекам.

Девка. Перевоспитывать хотите?! Вот вам! Себя перевоспитайте! Вы правильные – я неправильная?! Вы правила писали?!

Заместитель (*бьёт Девку и говорит с удивлением*). Ей не больно.

Жена (*с иронией Журналисту*). Как нечистой силе?

Журналист (*Жене с издёвкой*). От фригидности. (*Щиплет Жену.*) Не больно? Скажи, не больно?

Жена (*отклоняется от мужа и переживает за Девку*). А протеста в этом не видишь?

Журналист (*Жене*). Ух, диалектик!.. А она реализовалась... «Матрёшка» как символ России, – потому этот образ преследовал нашего гения. Сам его создал: вдохновляющую жертву.

Заместитель. Раньше-то, небось, заплатил ей рубль – и всё делов.

Голос Амвросия. Мадонна уже обыкновенной женщиной, а сейчас выходит публичная.

Голос Келейника (*повторение в записи*). Рубль – цена привокзальная.

Заместитель. Рубль – были деньги. Всё было конкретнее.

Парторг (*изменённым голосом*). А ещё лучше в романах.

Жена (*изменённым голосом*). Почему-то все романы – за наш счёт. Женщин.

Журналист (*изменённым голосом*). Такой жанр, чтобы воспринималось читателем: женщина продаётся и отдаётся. За деньги, за печать в паспорте, положение...

Парторг (*Журналисту раздражённо о Девке*). Вот каких присылают. У нас что – помойка? Вот об чём пишете. (*Заместителю о Девке*.) Комсомолка?.. Убить мало.

Журналист. Убить? (*Вынимает авторучку*.) Или описать? А что писать, когда всё написано.

Темнеет. Девка исчезает, а Парторг и Заместитель застывают, подобно памятникам.

Журналист. К Доске Почёта что ли памятники? «Гвозди б делать из этих людей...» Маркс с Энгельсом!.. А я не бронзовею?

Журналист застывает в позе памятника, Жена застывает в скульптуру скорбящей женщины. Темнеет. Загорается свет: келья начала XXI века, похожая на келью Амвросия.

Голос Писателя (*за дверью*). Во имя Отца и Сына и Святого Духа... (*Пауза*.) Во имя Отца и Сына... (*Пауза*.) Молчание... Что за дела?

Открывается дверь и входит Писатель (кукла). Осматривается.

Писатель. Ау!.. Пустынь, она и есть пустынь. Пусто... Ещё раз что ли постучаться? (*Выходит*.)

Голос Писателя (*за дверью*). Во имя Отца и Сына и Святого Духа... (*Стучит в дверь*.) «Аминь» должны ответить. То есть «входи» у них. Полагалось.

Неподвижные фигуры Старца и Монаха на коленях у икон. Входит Писатель.

Писатель. Чёрт бы их всех побрал... Хотя чего? Никого нет. И потом Оптина Пустынь эта пресловутая... пресловущая... (*Подходит к шкафу и рассматривает книги*.) Сочинения Достоевского, Фёдора Михайловича. Всё правильно. Здесь был... (*Оглядывается и замечает фигуры у икон*.) Вот те на. Работа – пыль столбом. (*Подходит к молящимся фигурам*.) Отцы!.. Послушайте. Пришёл к вам презренный бумагомаратель, сиречь писатель. Акула пера. Примите грешника. (*Не получив ответа, трогает фигуры – манекены падают*.) Может, и меня нет? (*Ставит манекены на место*.) Жуть. Может, святые мощи? Из химчистки... А я? (*Замирает, подобно памятнику*.)

Манекены Старца и Монаха оживают. Писатель заговаривает с ними.

Писатель. Во имя Отца и Сына и Святого Духа...

Монах. Во-первых, не «святого», а «святаго».

Писатель. Ну я в монастыре впервые... Перекрестите меня, отцы. А не то не врубаюсь. Мы – не тени, не призраки? Или бесы – да.

Старец и Монах сами перекрестились и смотрят на Писателя с подозрением.

Писатель. Я для вас разве не прозрачен?

Монах (*с усмешкой*). Для нас – конечно.

Писатель. Великие, кто здесь жили, были, - они же, должно быть, провидели. А творчество нередко - как бы предсочинение, предписание будущему.

Старец (*после паузы*). Подразумеваете посещение Достоевским? Преподобный действительно мог ему показать нечто из будущего.

Монах (*усмехаясь*). Нас показать.

Старец. Возможно, да.

Писатель. Вот я и имею в виду, что тогдашнее как бы реальнее теперешнего.

Старец. Когда под реальностью понимать вечное. Да, возможно.

Писатель. Вот мне и кажется... Такой же июнь и такая же цвела поздняя сирень... (*Подходит к цветам*.) Искусственные. Надо ж... А Фёдора Михайловича, говорят, смущал бес. Как выражаются, инфернальная муза, Аполлинария, Полина, Сулова... У женщин циклы биологически-истерические, а у нас исторические. Тоже кровавые.

Монах (*смотрит на Писателя*). Неужто видите на сто лет назад?

Писатель. Или те на сто лет вперёд... Время что ли здесь остановилось? Было, сельхозучилище... Хотя, возможно, тоже опять восстанет со всей грязью. До монастыря же тоже был вертеп оптовый.

Старец и Монах на многие слова Писателя реагируют отрицательно и крестятся.

Старец (*Писателю*). А вы пародии сочиняете? Или эту - для заграницы - «чернуху»?

Писатель (*испуганно*). Я? Нет... Касаюсь духовных тем. На современном языке психологии.

Монах. Современный язык уже к уголовной фене близится.

Писатель. Так мы хамы... Таковую страну пропили. Варвары. Неодушевлённые механизмы.

Монах. Варваров называли одушевлёнными механизмами.

Писатель. А мы неодушевлённые.

Истерические крики за стеной. Старец и Монах перекрестились.

Старец. Россия перед Вторым Пришествием.

Писатель. Как вы назвали? Ну, какая мы... Россия? Так, базар-вокзал; «Рашка...» А вместо Второго Пришествия, наверное, надо нам, нас, - очередное завоевание. Цивилизаторов.

Монах (*с усмешкой*). А мы не завоёваны?

Старец (*с иронией*). Опять обновления хочется. (*Монаху.*) Были у нас «обновленцы».

Монах. Да. Молитвы переводили.. «Твое бо поётся и величается от всякого дыхания».

За стеной вскрикивания и слова молитвы (звучащие с фальшивым пафосом): «Бог богов и Господ господей, огненных чинов творец и бесплотных сил хитрец, и небесных и наднебесных художник, Его же не виде ни един же от человек, ни видети может, Его же убояся вся тварь...» Звонит мобильный телефон Писателя.

Голос Беса-Полины (*из телефона скороговоркой*). Помню, целу..! (*Прерывают гудки.*)

Писатель (*о криках за стеной удивлённо*). Позвольте: женщина? Или... бес?

Монах (*с иронией*). Или одно и тоже. Писателя отчитывают. Был устроен при коммунистах. Вообще, устроен по жизни. А сейчас, вроде, открылся талант, - и покой потерял, и деньги.

Голос Беса-Полины (*из телефона скороговоркой*). Помню, целую, люблю!

Писатель. Я здесь, как сто лет назад великий...

Старец (*Монаху с усмешкой*). При коммунистах к парторгам шли.

Писатель. Да. Тогда отчитают, так отчитают. (*Пауза.*) Бессонницей страдаю. По ночам пишу, и всё в сознании вторичности...

За стеной крики, злой женский смех и слова молитвы, читаемой Амвросием: «Даждь заклинание мое, о страшном имени Твоем совершаемо грозно быти ему владыце лукавствия, и всем споспешником его, спадиши с ним с вышния светлости, и обрати на бежание, и заповеждь ему отити оттуду, дабы к тому ничтоже вредно во образех знаменоваемых содеял...» Писатель падает, бьётся в судороге и хрипит. Старец и Монах наклоняются к нему, и все трое превращаются в неподвижных манекенов. Затемнение. Бьёт колокол. Чтение молитвы Амвросием. Загорается свет: келья Амвросия, как в 1-м действии. Над спящий Достоевским склонились Келейник и Амвросий (с трепником и в очках).

Амвросий. Да примут крепость себе знаменоваемии державную, натупати на змию и на скорпию, и на всю силу вражию, им же еси повелел. Твое бо поется и величается от всякого дыхания, и славится со страхом пресвятое Имя, Отца и Сына, и Святаго Духа, ныне, и присно, и во веки веков.

Келейник. Лучше стратотерпцу. С лица заметно. Просветлело.

Амвросий. Да? Взгляни хорошо, Павел.

Достоевский садится. Келейник поднимает ему веки и рассматривает глаза.

Келейник. Ещё грезит. (*Отходит в сторону.*)

Появляется Полина (в чёрном) подходит к Достоевскому и отбрасывает вуаль.

Достоевский (*Полину не узнаёт*). Чему обязан честью видеть вас?.. Кто вы?

Полина. Как? Не узнаете меня?

Достоевский. Ннет... Кто вы?.. К чему эта... таинственность?

Полина. Здравствуйте, Фёдор Михайлович. Федя... Знаменитый писатель. Забыл? Неужели...

Достоевский (*неуверенно*). Не знаю. Не помню.

Полина. Забыл. А называл своею... музой. Вечною подругой... Даже делал предложение выйти замуж... Кажется, любил. Может быть, и сейчас любишь?

Достоевский (*тревожно*). Полина? Нет. Не может быть. Нет. (*Радостно*.) Настасья Филипповна! Как же! (*Берёт книгу*.) Так, «Идиот», это у меня в самом начале... (*Зачитывает, иногда бросая невидящий взгляд на Полину*.) «На портрете была изображена действительно необыкновенной красоты женщина. Она была сфотографирована в чёрном шёлковом платье, чрезвычайно простого и изящного фасона; волосы, по-видимому темно-русые, были убраны просто, по-домашнему; глаза тёмные, глубокие, лоб задумчивый; выражение лица страстное и как бы высокомерное...»

Полина (*вырывает книгу*). Прекрати! Меня все винят, но ты... В обострение сюжета...

Достоевский (*не реагирует на слова Полины*). Она. Из-за неё столкнулись князь Мышкин и Рогожин. (*Усмехается*.) А я – оба их: и идиот, и жестокий убийца. Такие страсти... Настасья Филипповна? Но, возможно, не только она. (*Пишет в записную книжку, поглядывая на Полину и радостно бормоча*.) Груша. Грушенька!.. «Вот она, эта ужасная женщина – «зверь», как полчаса назад вырвалось про неё у брата Ивана. И однако же, перед ним стояло, казалось бы, самое обыкновенное и простое существо на взгляд, - добрая, милая женщина, положим красивая, но так похожая на всех других красивых, но «обыкновенных» женщин! Правда, хороша она была очень. Очень даже, - русская красота, так многими до страсти любимая... Катерина Ивановна мигом усадила её в кресло и с восторгом поцеловала её несколько раз в её смеющиеся губки. Она точно была влюблена в неё...» (*Посмотрел на Полину*.) Катерина Ивановна – тоже. Тоже она... (*Пишет*.) «Вот я нижнюю губку вашу ещё раз поцелую...» (*Целует неподвижную Полину*.) «Она у вас точно припухла, и ещё, ещё... Посмотрите, как она смеётся. Сердце веселится, глядя на этого ангела... Нежите вы меня, милая барышня, а я, может, и вовсе не стою ласки вашей...» (*Записывает*.) Лиза Хохлакова, - не забыть, - защемляет палец дверью, чтоб самой себя наказать...

Смех и частушка «Барин девушек пытал...» (из «Братьев Карамазовых»).

Достоевский (*записывает*). Пир на постоялом дворе в селе «Мокрое»... Пьяная сцена. Женщина провоцирующая, вокруг неё движение в романе и в жизни. (*Отходит от Полины, закашливается*.)

Келейник (*Амвросию тревожно*). Бес смущает. А, батюшка Амвросий?

Амвросий (*на скорбную Полину*). Несчастливая одинокая судьба. Без семьи и детей.

Келейник (*смотрит на Достоевского*). Каялся в двоемыслии, а без того в миру не прожить. Делать, во что веришь, и верить в то, что делаешь, разве только у нас здесь можно.

Амвросий (*с сомнением*). Здесь в Оптиной?

На заднем плане появляются неподвижными манекенами Кукольные персонажи.

Келейник (*со вздохом*). Да, бесы тоже веруют и трепещут – что апостол написал, а ты, батюшка, как показал. Искусство, да и наука ихняя, - искушения. Христианство без понуждения - «розовое», как его ты обозвал, - или протестанская ересь, или научные, а пуще психологические теории и коммунистические тоже, - опровергни их – и всё: ноль... И «старцы» ихние, которых те слушали, – разве ж те «старцы»? Когда монахи, ангельского чина...

Амвросий (*с усмешкой возражает*). А апостол написал, что праведники будут судить ангелов? Не нас ли с тобой то есть, значит, тоже?

Достоевский (*опять смотрит на Полину, затем приходит в себя*). Было счастье... Гармония... Будто в раю побывал... Молодым, полным жизни, влюблённым... Да, в раю.

Келейник. И сейчас блазнит. Соблазняет.

Амвросий. «В раю», - значит, в раю. На время отдохнула душа. Он же из-за сына тоже пришёл. Помянуть... (*Перекрестился*.)

Достоевский (*окончательно приходит в себя, смотрит на Амвросия*). Инквизитор?!.. (*Успокаивается*.) Отец Амвросий... В Оптиной я... Хорошо... Отлегло... (*Видит сломанный стул, усмехается*.) Это я вам память оставил? (*Оборачивается на Келейника*.)

Амвросий (*откладывает книгу и снимает очки*). Вспомнилось, сын Феодор, что тревожит...

Достоевский. Сын... три года должно было исполниться. (*Записывает.*) «Папа, не плачь... а как я умру, то возьми ты хорошего мальчика другого... Сам выбери из них всех, хорошего, назови его Илюшей и люби его...» Тема младшего брата Карамазова Алёши. (*Встаёт, отворачивается с кашлем; снова обращается к монахам.*) Какие видения были... Революция, которую я предрекал Западу, прокатилась - по России. Но стоила – голов, сколько я писал. Но потом всё, слава Богу, вернулось. И церкви восстановили. (*Усмехается.*) Из-за того, что назвали этих бесов?

Амвросий. Все мы страдали вместе с Россией, как одержимые. Писатели тоже. Потому Достоевского так читают и чтут. Меня грешного в своём последнем романе представил в образе старца Зосимы. «Омочи землю слезами радости твоей и люби сии слёзы твои...» Не мои сии слёзы и слова, но читатель поверил, и чрез этот обман некоторые к Христу обратились. За что тебе, писатель, Спаси Бог. Чтобы после нас уже придут люди, а не бездушные механизмы. Потому что нами за всех пережито, и продумано, и прочувствовано, и согрешено. Значит, Богу было угодно, чтобы через это прошли. «Аще зерно, падши в землю, не умрёт, то останется одно, а коли умрёт, то принесёт много плодов». И ещё, тоже от Иоанна: «Любящий душу свою погубит ю, а ненавидящий своея в мире сем, сохранит в жизнь вечную».

Занавес опускается. Бьёт колокол.

Анохин Михаил Иванович. Тел. 8(499)4802162. 127247 Москва ул. 800 лет Москвы 20 кв. 160.
ANOKHIN-MI@YANDEX.RU